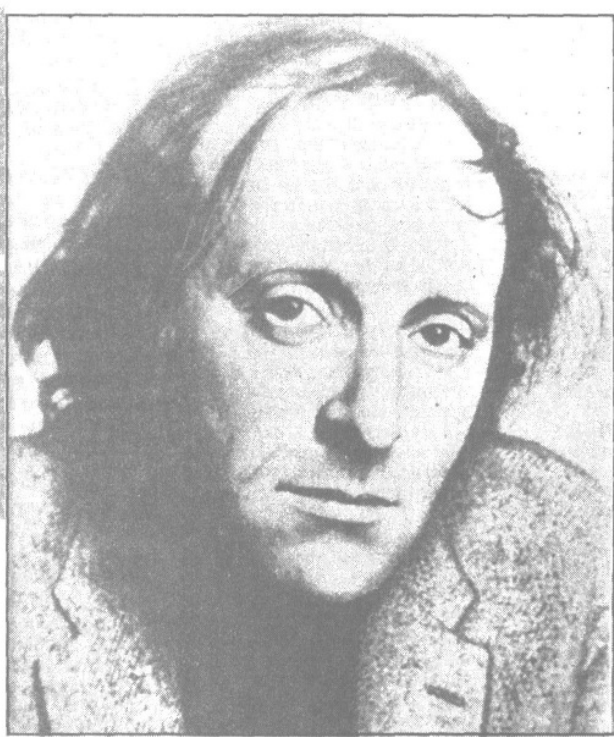

28 января в Нью-Йорке

умер

Иосиф Александрович Бродский родился в 1940 году в Ленинграде в семье фотографа и переводчицы. Пережил блокаду. Работал фрезеровщиком, санитаром. В поэзию благословлен Анной Ахматовой. В 1964 году идеологические охранители организовали над Бродским судебный процесс и, обвинив поэта в тунеядстве, сослали его в Архангельскую область. Первая книга его стихов вышла на Западе. С 1972 года Бродский жил в США, писал на русском и английском, в 1987-м он стал третьим русским поэтом (вслед за Буниным и Пастернаком), получившим Нобелевскую премию.

Сегодня "ВК" публикует строки великого поэта с его рисунками.

Иосиф БРОДСКИЙ

"...Я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя".

Из Нобелевской лекции Иосифа Бродского. 1987.

ПИЛИГРИМЫ

"Мои мечты и чувства в сотый раз
идут к тебе дорогой пилигримов".
В. Шекспир

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо роскошных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды встают над ними,
и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним.
Да, останется прежним.
Ослепительно снежным
и сомнительно нежным.
Мир останется лживым.
Мир останется вечным.
Может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
И, значит, остались только
Иллюзия и Дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.

Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

1958

СТАНСЫ

Е.В., А.Д.

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.

И душа, неустанно
поспешая во тьму,
промелькнет над мостами
в петроградском дыму,
и апрельская морось,
под затылком снежок,
и услышу я голос:
— до свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.

— словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

1962

ПРОРОЧЕСТВО

М.Б.

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высокой дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.
Мы будем в карты воевать с тобой
и слушать, как безумствует прибор,
покашливать, вздыхая неприметно,
при слишком сильных дуновеньях ветра.

Я буду стар, а ты — ты молода.
Но выйдет так, как учат пионеры,
что счет пойдет на дни — не на года, —
оставшиеся нам до новой зры.
В Голландии своей, наоборот,
мы разведем с тобою огород
и будем устриц жарить за порогом
и солнечным питаться осьминогом.

Пускай шумит над огурцами дождь,
мы загорим с тобой по-эскимосски,
и с нежностью ты пальцем проведешь
по девственной, нетронутой полоске.
Я на ключицу в зеркало взгляну
и обнаружу за спиной волну
и старый гейгер в оловянной рамке
на выцветшей и пропотевшей лямке.

Придет зима, безжалостно крутя
осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
то назовем Андреем или Анной,
чтоб, к сморщенному личику привит,
не позабыт был русский алфавит,
чей первый звук от выдоха продлится
и, стало быть, в грядущем утвердится.

Мы будем в карты воевать, и вот
нас вместе с козырями отнесет
от берега извилистой отлива.
И наш ребенок будет молчаливо
смотреть, не понимая ничего,
как мотылек колотится о лампу,
когда настанет время для него
обратно перебраться через дамбу.

1965

М.Б.

Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером
подышать свежим воздухом, веющим с океана.
Закат догорал в партере китайским веером,
и туча клубилась, как крышка концертного
фортепьяно.

Четверть века назад ты питала пристрастие к люля
и к финикам,
рисовала тушь в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась
с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовишно поглупела.

Теперь тебя видят в церквях в провинции и в
метрополи
на панихидах по общим друзьям, идущих теперь
сплошной
чередой; и я рад, что на свете есть расстоянья более
немыслимые, чем между тобой и мною.

Не пойми меня дурно. С твоим голосом, телом,
именем
ничего уже больше не связано; никто их не
уничтожил,
но забыть одну жизнь человеку нужна, как минимум,
еще одна жизнь. И я эту долю прожил.

Повезло и тебе: где еще, кроме разве что
фотографии,
ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела,
глумлива?
ибо время, столкнувшись с памятью, узнает
о своем бесправии.
Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива.

1989

И.Б.